

Р.М. Лазарчук

ОТ БЫТОВОГО ПИСЬМА К ЛИТЕРАТУРНОМУ
(по русским письмовникам XVIII в.)

Всегда живая, проблема взаимодействия художественных и нехудожественных жанров приобретает наибольшую актуальность в так называемые переходные эпохи. Моменты кризисов, культурных переломов и революций создают ситуации, максимально проявляющие эстетические возможности документа, вовлекаящие его в литературный процесс, превращающие жанры, традиционно воспринимаемые как деловые, нелитературные, в явление глубоко новаторское, экспериментальное, нередко опережающее работу искусства. Именно такие "метаморфозы" переживает во второй половине XVIII века письмо, когда оно, не переставая быть документом частной жизни, одновременно и резко порывает со сферой чисто бытового письма. Письмо уже не просто средство связи, но своего рода "словесность", "потаянная", "домашняя", рукописная форма освоения мира — своим путем и на своем уровне.

Предлагаемое описание процесса трансформации бытового письма в факт литературы основывается на реконструкции поэтики бытового письма и конкретных форм его эволюции, предпринятой по многочисленным нормативам эпистолярного этикета: "Письмовникам", "Наставлениям к сочинению писем...", "Всеобщим секретарям..."

Та модель письма, которая мыслилась в начале XVIII века как идеальная и на которую было ориентировано сознание человека Петровского времени, решительно притивостояла предшествующей эпистолярной традиции. Разрыв с грамоткой XVII века проявлялся прежде всего в установке на "чужое" — чужой (немецкий) образец, чужой, т.е. светский, казавшийся тогда неестественным, искусственным, тип разговора, чужой церемониал. Нормированность, довольно ослабленная, выражавшаяся в древнерусском письме, главным образом в формуляре, теперь возводится в принцип. Структура письма предельно упорядочена: заданность тематики, система готовых образцов на любой, на всякий случай, абсолютная несвобода: монолог на определенную тему, а не разговор обо всем (см., например: "Приклады како пишутся камплименты разные на немецком языке. Переведены с немецкого на российский язык. М., 1708).

Важнейшее проявление преодоления данного стереотипа — признание так называемого "смешанного" письма, т.е. принципиально

иной, мозаически-пестрой, свободной структуры письма, пока еще рядом со строго однотемным, но уже наравне с ним. Этот момент в развитии жанра зафиксирован "Наставлением, как сочинять и писать всякие письма..." (М., 1765), идущим за живой, реальной практикой, обобщающим ее результаты. В 1780-е годы письмовники окончательно утрачивают роль законодателя вкуса. Декларируемые ими "нормы" кажутся неким анахронизмом, а самый характер "подновления" образцов лишь помогает определить степень отставания теории от практики. Только в конце 1780-х годов письмовники придут к установлению зависимости эпистолярного слога от личности адресата, санкционировав таким образом "чувство" адресата, добытое письмом значительно ранее, на рубеже 1770-1780-х годов (см., например: "Письмовник, содержащий разные письма, прошения, записки по делу, контракты, аттестаты..."). В 1800-е годы письмовники будут предлагать читателю как новаторскую ту самую сентиментальную "тематику" дружеского письма, которая еще в 1770-1780-е годы превратила этот жанр в важнейшую форму самопознания и самовыражения личности. Наконец в 1820-е годы нормативы эпистолярного слога признают и самое явление - особого рода "словесность", возникшую на грани искусства и быта, - дружеское письмо как литературный факт, о чем свидетельствует, в частности, "Учебная книга российской словесности, или избранные места из русских сочинений... в стихах и прозе, с совокуплением кратких правил риторики и поэтики, издание Н.Гречем", ч.1. СПб., 1819.